

Часть 1

Следующий день, четвертое октября. Сакута встретил утро как любое другое.

Сначала он проснулся из-за того, что Насуно трогала лапкой его по лицу. Она разок мяукнула, требуя завтрак, и он встал, пошел на кухню и насыпал корм в миску, а затем поставил на стол завтрак на двоих и приготовил себе обед. Он старался по возможности экономить.

Он позавтракал в одиночестве, а потом подошел к двери с именем сестры и позвал:

— Каэдэ, уже утро.

Она не ответила, и Сакута не стал открывать дверь.

Похоже, подростковый возраст наконец-то настиг Каэдэ, и, если он откроет дверь без разрешения, ему отгрызут ухо.

Поэтому он оставил ее наедине с собой.

Через минуту она вышла и пробормотала:

— Доброе утро, Сакута.

Ее глаза определенно были закрыты.

— Не забудь помыть посуду после себя.

Она зевнула.

— Ладно, до встречи.

Еще раз зевнув, она выпроводила его за дверь.

Было в основном солнечно.

Облака напоминали сахарную вату, но голубое небо все равно виднелось. Из-за сухого воздуха казалось, что наконец-то наступила осень. В такой прекрасной погоде он добрался до станции «Фудзисава», после чего по линии «JR Токайдо» доехал до «Йокогамы», пересел на линию «Кэйкю» и ехал еще двадцать минут. Он вышел на станции «Канадзава-Хаккей», где его ждали двери университета. Прошел солидный час езды от дома.

За выходом из метро толпа студентов стекалась в сторону кампуса.

Одни замечали по пути друзей и окликали их, другие разговаривали или писали сообщения на телефонах. Некоторые шли молча в наушниках. Сакута был из тех, кто боролся с сонливостью и желанием зевнуть.

Подобное он видел каждое утро.

За главными воротами было еще больше студентов, и кампус гудел от энергии. Все как всегда.

Университет выглядел так же, как и вчера.

Как и студенты.

Некоторым надоедала студенческая рутина. Он часто слышал, как люди ворчали, что, по их мнению, жизнь в университете должна быть намного веселее.

Но Сакута был не из тех, кто жалуется на скуку.

Ничего не происходило — значит, все хорошо.

Все так, как и должно быть.

Размышляя об этом, он прошел через знакомые места в корпус, где проходили его занятия во второй половине дня.

Поднявшись по лестнице, он вошел в аудиторию двести один. Здесь вели общеобразовательный предмет — линейная алгебра.

Занято было от силы треть мест, и все присутствующие с его факультета. Пришли в основном первокурсники, но были четыре или пять второкурсников, которые не сдали этот предмет в прошлом году. Это всплыло во время торжественной церемонии на прошедшей неделе. Профессор предупредил, чтобы они не провалились еще раз.

В центре класса он увидел знакомую спину.

Такуми.

Сакута пошел в его сторону, и тот заметил его и помахал рукой.

— Привет, — сказал Такуми и пересел на соседнее место в ряду. — Подогрел для тебя местечко.

Было еще слишком рано, чтобы наслаждаться теплом чужой задницы, поэтому Сакута сказал: «Круто» — и сел на ряд дальше.

— Ты что-то имеешь против меня? — спросил Такуми.

— Я предпочитаю место холодным.

— Как и твое пиво!

Болтая о пустяках, Сакута открыл учебник по линейной алгебре и достал свои записи. На учебнике, по которому они занимались, было имя профессора, который вел этот курс. Подобное не редкость: во многих университетах преподаватели писали собственные учебники. И они получали гонорары с продажи, что казалось одним из способов поддержания мирового кругооборота.

Сакута рассеянно взглянул на часы: десять двадцать пять. Пять минут до начала занятий.

Пронзительный смех из передней части класса привлек его внимание. Он принадлежал девушкам, которые снова оделись одинаково. Они что-то делали на телефонах: снимали короткие видео и показывали их друг другу. С ними была Узуки.

Через два ряда парень уткнулся носом в книгу. Он продолжал ухмыляться, так что, вероятно, ничего особенного не случилось.

Студент рядом с ним опустил голову и крепко спал. Занятие еще не началось. Смелый.

Остальные играли на телефонах или болтали с друзьями.

Типичные вещи перед лекцией. Ничего странного. Но что-то в этой сцене настораживало Сакуту.

Что-то в одной девушке показалось ему странным.

Он сосредоточился на одной из шести девушек из группы впереди: на ней та же юбка, что и на остальных. Та же блузка. Это была Узуки.

Она подыгрывала шуткам подруг и подбрасывала им приколы, смеясь вместе с ними.

Такое поведение само по себе типично для любой группы девушек. То, что можно всегда увидеть в кампусе. Ничего странного. Поэтому он не знал, почему это его беспокоит. И не понимал, что здесь не так.

Он сидел и наблюдал за Узуки, чувствуя себя так, будто играет в сложную игру «Найди сто отличий». В конце концов она почувствовала это, и их взгляды встретились.

В любой другой день она бы с энтузиазмом помахала ему рукой и окликнула, привлекая столько внимания, что он даже вздрагивал.

Но сегодня она вела себя по-другому. Она посмотрела на Сакуту, и ее рот слегка приоткрылся, словно что-то вспомнила. Затем сказала: «Я на минутку» — и оставила подруг.

Узуки подошла к Сакуте, быстро огляделась и, убедившись, что никто не смотрит, наклонилась и прошептала:

— Нодока рассказала тебе?

Она произнесла это достаточно тихо, чтобы никто, кроме него, не услышал.

— Что рассказала? — спросил он, не понимая, что та имеет в виду.

— Кое-что.

Ее ответ мало что прояснял.

— Ничего не понимаю, — сказал Сакута.

Узуки скорчила гримасу, но он искренне не понимал, чего она добивается.

— Между вами что-то произошло?

Ему не приходило в голову ничего, кроме ссоры, о которой рассказала Нодока.

Но он считал эту проблему решенной: Нодока сказала, что поговорит с Узуки, поэтому Сакуте не придется ничего делать.

— Вчера я весь день провела на съемках, так что мы еще не виделись.

— Она что-то сказала тебе?

— Вчера нет.

Интересная формулировка. Она уточнила «вчера», словно это произошло сегодня. И опасения Сакуты оправдались.

— Я только что получила от нее сообщение с вопросом, буду ли я сегодня в кампусе, — добавила Узуки.

— И?

— Это значит, что она хочет поговорить.

— Не уверен, что ты абсолютно права.

Сакута не ожидал от нее такой реакции. В любой другой день она бы отреагировала так: «Что случилось, Нодока?!» — прежде чем что-то предполагать. А при возможности, вероятно, позвонила бы. Да даже не «вероятно», а «определенно».

И это наводило на мысль, что с ней снова что-то произошло.

— Хирокава, ты уверена, что вчера с тобой ничего не случилось? — спросил он.

— А что должно было случиться?

— Кое-что.

— Ты меня передразниваешь!

Она рассмеялась, словно пыталась разрядить обстановку, что тоже показалось Сакуте странным. Узуки притворно улыбнулась? Он никогда не видел, чтобы она так делала. По крайней мере, до сегодняшнего дня.

И если спросить, не случилось ли чего-нибудь, Хирокава Узуки, которую он знал, пропустила бы вопрос мимо ушей и выпалила бы: «Я упала во время съемок и ударилась задницей!» — или что-то в подобном духе.

Почему это казалось таким неправильным?

Пока он пытался разобраться, она снова рассмеялась и сказала:

— Я сегодня в хорошей форме.

Она смотрела в сторону — на девушек впереди.

— Как будто я с ними на одной волне.

Сакута снова оглядел ее: она определенно одета так же, как и они.

— Похоже, — сказал он.

Может быть, просто были такие дни.

Но даже Узуки казалось, что она стала другой. Чувствовалось, что она синхронизировалась с девушками, вела себя лучше, чем обычно, в социальном плане.

Пока он размышлял, вошел профессор и мягко сказал:

— Займите свои места.

Студенты развернулись лицом вперед, а Узуки вернулась к своим подругам.

— Эй, Фукуяма, — бросил Сакута через плечо, глядя в спину Узуки.

— Мм?

— Что ты думаешь о ней?

— Она милая.

— Что-нибудь еще?

— Она милая.

Это определенно похоже на Такуми.

— Ценное мнение, спасибо.

— Обращайся.

Сакута огляделся и убедился, что никто больше не беспокоится о ней. Только он чувствовал, что что-то не так.

Возможно, ему показалось.

Может, это просто совпадение, что они все оделись одинаково и смеялись над одним и тем же. Вероятно, это чистая случайность, что она забеспокоилась из-за сообщения Нодоки.

Она была в хорошей форме.

А Сакута, скорее всего, слишком много думал.

Надеясь, что так оно и есть, он открыл учебник по линейной алгебре.

Часть 2

Как бы банально ни звучало, если что-то начинает зудеть, невозможно перестать чесаться. Весь урок он не сводил глаз с Узуки, высматривая, нет ли чего-нибудь необычного в ней.

Обычно она внимательно слушала. Если она чего-то не понимала, то поднимала руку, даже если тем самым прервет занятие. Если сосредотачивалась на чем-то, то ей не мешали даже перешептывающиеся или переписывающиеся друзья вокруг. Узуки вела себя именно так.

Но сегодня она постоянно ерзала, шутила с подругой, сидящей рядом. А иногда вскидывала голову на слова учителя, но не восклицала: «Я не понимаю!»

Когда урок закончился, она не махнула рукой преподавателю и не закричала: «Увидимся на следующей неделе!»

Как и все остальные, она просто убрала свои книги и присоединилась к девушкам, вьющимся вокруг, обсуждая, где можно пообедать. Ее голос не разносился над толпой. Кто-то предложил кафетерий, и она просто негромко сказала: «Мм, давайте».

И все это навело Сакуту на мысль: что-то не так. Но опять же только он, казалось, заметил это.

Девушки вокруг нее щебетали, будто она всегда была такой.

— Давайте по дороге домой заскочим в Йокогаму, — предложила одна из них. Прозвучало настолько естественно, что не было ощущение, словно они разыгрывают спектакль.

С другой стороны, это обыденный разговор студенток, в нем ничего странного. Обычно Узуки

пыталась присоединиться к беседе, будучи немного взвинченнее, чем кто-либо другой, это выглядело гораздо неестественнее.

Его мысли прервал голос сзади, Такуми спросил:

— Азусагава, идем обедать?

Сакута повернулся и обнаружил, что тот привстал и приблизился к нему.

— У меня обед с собой, — ответил Сакута.

— На меня хватит?

— Было бы жутко, если бы я принес и для тебя.

— Верно. Я бы умер.

Такуми сел обратно.

— Тогда я схожу в магазин, — сказал он и вышел через заднюю дверь. Прозвучало так, будто он скоро вернется, поэтому Сакута решил, что стоило подождать.

Но после него вошла светловолосая девушка.

Нодока.

Она секунду смотрела на Сакуту, но затем быстро повернулась к Узуки, которая уже собиралась выйти через переднюю дверь.

— Узуки, — позвала она.

Узуки вздрогнула, а затем сказала своим подругам:

— Извините, идите вперед. — И отправила их в коридор.

Большинство других студентов тоже пошли на обед. Сакута поставил свою еду на стол, но так и остался наедине с двумя айдолами.

— ...

— ...

Одна стояла в передней части аудитории, вторая — в задней. Расстояние и напряжение разделяли их.

— Думаю, я... пойду куплю попить, — сказал Сакута, словно понял намек.

Но Нодока прервала его:

— Я еще не открывала ее.

Она прошла вперед, к его месту, и поставила рядом с ним бутылку с газировкой. Со вкусом персика. Май не так давно снималась в рекламе этой газировки.

Он бы с радостью остался, раз она того хотела, однако...

— Эм, Нодока, все из-за случившегося? — спросила Узуки, делая ход первой.

— «Случившегося»? — повторила Нодока, нахмурившись.

— В воскресенье.

Узуки говорила так, будто это очевидно.

— ?

Вот почему Нодока выглядела озадаченной: она не ожидала, что Узуки заговорит об этом первой. Она полагала, что ее раздражение, озабоченность, тревога и переживания полностью ускользнули от Узуки. Нодока рассказала об этом предположении днем ранее.

— Мне очень жаль! — сказала Узуки, хлопнув в ладоши. Нодока смутилась еще больше. — Я понятия не имела, что ты так беспокоишься! Конечно ты злишься.

— Узуки?..

— У нас так много работы, из-за которой мы проводим очень мало времени вместе. Я тоже расстроена, давай обсудим это всей группой.

— Э-э, отлично, но, эм. Мне тоже жаль. Я наговорила лишнего.

— Не волнуйся. Твои слова прояснили мне ситуацию.

— Ладно...

— Я имею в виду, что сольная карьера тоже важна. Благодаря ей люди узнают о «Сладкой пуле».

— Я полностью согласна.

— Но если это отдалит нас друг от друга, оно того не стоит.

— Мм...

— В общем, давай встретимся с Яэ, Ранко и Хотару. Сегодня все будут на уроке танцев, верно?

— Вроде как...

С кем она разговаривала?

Очень вероятно, что Нодока задалась этим вопросом.

Узуки говорила очень логично, а Нодока все это время выглядела ошеломленной.

— Нодока? Что-то не так?

Нодока никак не реагировала, и Узуки это уловила. В том-то и заключалась причина странности происходящего: она идеально подстраивалась под собеседника.

— Нет, в принципе, я сказала то, что хотела, — выдавила из себя Нодока.

— Отлично.

— Мм.

Нодока была совершенно не в себе.

— Нодока? — нахмурилась Узуки, не упустив этого из виду.

— Ничего... У Яэ съемки, так что она немного задержится, но мы можем поговорить потом. Я

сообщу остальным.

— Круто! Так и сделай. А я пойду пообедаю с подругами.

Узуки помахала рукой, схватила свою сумку и убежала. Вскоре она скрылась из виду.

— ...

— ...

Они чувствовали себя ошеломленными, не зная, что должны испытывать. Смущение? Удивление? Неужели произошедшее только что — реальность? Трудно сказать наверняка. Это не укладывалось в голову и вызывало серьезные сомнения.

Не в силах разобраться, Нодока просто стояла столбом и смотрела на дверь. Казалось, она не собиралась двигаться с места.

— Все прошло хорошо, — встрял Сакута.

— ...

Нодока перевела взгляд на него, на ее лице застыл вопрос.

— Я сказал: все прошло хорошо.

— Что прошло?

— Вы помирились.

— Точно... Да, мы помирились.

Нодока кивнула, но ее хмурый взгляд не исчез. Ничего еще не сходилось.

— Что это было?!

Эти слова сами вырвались у нее. На ее месте он, вероятно, отреагировал бы так же.

— Сакута, что ты ей сказал? — голос Нодоки был полон обвинений.

— Ничего.

— Правда?

— Клянусь.

— Тогда как она поняла? В воскресенье все было иначе.

— Если ты не знаешь, то откуда мне знать?

— А?

— Ты знаешь ее лучше, чем я.

Они познакомились задолго до встречи с ним и провели много времени вместе.

— Естественно! — огрызнулась Нодока, хотя была согласна с ним.

Однако ситуация оставалась все такой же странной. Она задумалась на минуту.

— А мы уверены, что это была Узуки? — спросила она совершенно серьезно.

— А кто же еще?

— Она наблюдала за моей реакцией, пока говорила.

Из ее слов ясно, что подобное совсем не похоже на Узуки.

— Так и есть.

— Но это значит...

Слова застряли у нее в горле, и она замолчала. Не решаясь произнести это вслух.

— Узуки чувствует атмосферу! — И она смолкла.

— Ага.

Вот и все.

Только одно изменилось.

Нодока попала в точку.

Она чувствует атмосферу.

Узуки.

Вот что было не так.

— Мы уверены, что это непохоже на то, что случилось со мной и Май? — требовательно спросила Нодока.

— Как обмен телами?

— Мм.

— Она слишком много знала о делах «Сладкой пули».

Они говорили о секретной информации.

— Правда...

— Даже если это что-то вроде «Подросткового синдрома», разве это плохо?

— Ну...

Судя по ее тону, она уже собиралась сказать: «Ну да!» — но ее мозг сообразил.

Она помирилась с Узуки.

Потому что Узуки поняла, почему Нодока так расстроена.

Это не являлось проблемой ни для кого.

На самом деле это чистая выгода для всех.

Это, конечно, беспокоило Нодоку.

Но сама Узуки сказала, что сейчас она в хорошей форме, что на одной волне со всеми. И радовалась этому.

Но перемена была достаточно драматичной, чтобы потрясти и Нодоку, и Сакуту до глубины души.

— Тогда... я думаю, мы можем оставить все как есть?

Голос Нодоки звучал совсем не уверенно.

— Возможно, завтра она снова станет прежней, — предположил он.

Вот так они и отложили проблему на потом.

Часть 3

В конце концов надежды Сакуты развеялись, а Узуки и на следующий день была настроена на эту волну.

Он проснулся в шесть, собрался и отправился на первый урок. Узуки плавно слилась с девушками с их факультета.

Все они были одеты одинаково, болтали на одни и те же темы, смеялись синхронно.

И это все еще казалось ему неправильным.

Вчера поздно вечером, после урока танцев, Нодока позвонила ему и сказала, что они все хорошо поговорили.

Их карьеры в качестве членов «Сладкой пули» были важны.

Как и то, что они делали сами.

Выкладываться на полную, работая по отдельности, — единственный реальный способ сделать свою группу популярнее.

А обсудив все, они стали еще сплоченнее, чем когда-либо. Нодока казалась радостной и оптимистичной, когда рассказывала об этом. Им всегда было трудно найти общий язык с

Узуки: ее приоритеты никогда не совпадали с чужими. Но теперь Узуки все поняла.

Что бы это ни было, оно имело только плюсы.

Видеть, как Узуки весело смеется со своими подругами, — своего рода облегчение. Несколько дней назад она явно была лишней, и казалось, что вот-вот случится что-то плохое, но теперь этого не было. Все шло гладко и спокойно.

К сожалению, то, что Узуки... вписывается в коллектив, само по себе причина дискомфорта.

Никто, кроме Сакуты, не выглядел обеспокоенным этой переменой. Скорее всего, они не замечали ничего, потому что им все равно. У каждого своя зона комфорта, поэтому происходящее вокруг никого не волнует. Может, если он притворится, что ему нет дела, однажды его действительно перестанет волновать это изменение.

Будь на месте Узуки кто-то другой, Сакута, вероятно, ничего бы не заметил и не забеспокоился.

— Привет, Фукуяма, — сказал Сакута Такуми, сидящему рядом.

— Мм?

Это прозвучало очень сонно. Глаза Такуми были полуоткрыты.

— Что ты думаешь о Хирокаве сегодня?

— Она симпатичная.

— Что-нибудь еще?

— Она симпатичная.

— Я так и думал.

— Блин, Азусагава...

Должно быть, он слегка проснулся, потому что смог сфокусировать глаза.

— Мм? — Теперь уже голос Сакуты прозвучал сонно.

— Есть ли правильный ответ на твой вопрос?

Это был второй день подряд, так что он имел право поинтересоваться.

— Симпатичная — это хорошо, — сказал Сакута, подавляя желание зевнуть.

— Уверен?

Непохоже, что Сакута знал ответ.

Не получив ответа, Такуми еще сильнее нахмурился.

После первых двух занятий Сакута пошел в кафетерий. Он проснулся в шесть и приготовил обед, чтобы взять с собой, но сегодня в кампусе была Май, и они договорились поесть вместе.

Кафетерий был заполнен уже на восемьдесят процентов.

Он оглядел толпу и нашел Май. Она заняла место у окна и махала рукой.

Сакута пробрался через студентов с подносами к ее столику и понял, что напротив Май уже сидит кто-то.

Она сидела спиной к нему, но он все равно узнал ее. По той простой причине, что это была Миори Мито, его новоявленный потенциальный друг.

Когда он приблизился к столу, она воскликнула:

— О, Азусагава! Как дела?

Сакута посмотрел на каждую из них, затем сел рядом с Май.

— Мы ходим вместе на английский язык, — пояснила Май, прежде чем он спросил.

— Когда Май села рядом со мной, мое сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

Миори положила руки на сердце, как будто оно снова вырывалось.

— Ты так драматизируешь, Миори, — усмехнулась Май.

— Нет, нет, ты недооцениваешь влияние, которое оказываешь на людей, Май. Правда, Азусагава?

Ответная реплика прозвучала естественно, как и ее выпад в его сторону. Глаза Май тоже обратились к нему.

Сакута снова взглянул на каждую из них, а затем высказал свое мнение:

— Ты быстро заводишь друзей.

Они обе заказали в кафетерии эксклюзивный донбури и уже доедали. Не осталось ни зернышка риса. Судя по тому, где они сидели, их занятие, должно быть, закончилось пораньше. Скорее всего, они уже успели поговорить до его прихода.

— Ревнуешь? — спросила Миори.

— Май не очень-то умеет заводить друзей, поэтому считай, что я удивлен.

Он достал свой обед из рюкзака и положил на стол.

— Это неправда, — сказала Май, притворно сердясь.

Она воспользовалась этим как предлогом, чтобы стащить кусочек его яичного рулета.

— Нас разделили на пары для разговорной практики, поэтому мы все время говорили друг с другом, — сказала она, а затем отправила яичный рулет в рот. — Мм, вкусно.

В прошлом семестре Сакута изучал английский язык. В классе не разрешалось говорить по-японски, поэтому партнер был для него всем. Это являлось важной причиной, почему он и Такуми все еще общались.

— Потом я услышала, что у нее нет телефона, и поняла, что она девушка, о которой ты рассказывал.

— Спорим, он сказал, что я обжора, слопавшая три наггетса?

— Клянусь, я такого не говорил.

— Ну, это помогло мне сблизиться с Май, так что ты прощен.

Миори не обращала на него внимания.

В любом случае эти двое были странно дружны. Май определенно была не из тех, кто сразу называет собеседника по имени. С Сакутой она довольно долгое время держалась на расстоянии.

— Когда Миори представилась, она попросила, чтобы я обращалась к ней по имени. Мне не очень хотелось, но... когда говоришь по-английски, так принято.

— Почему ты настаивала? — поинтересовался Сакута.

— Я просто хотела услышать свое имя из уст Май, — ответила Миори, не раздумывая ни секунды.

— Понятно, — сказал Сакута, копаясь в своем обеде.

Май без слов встала, после чего вернулась с чаем и поставила его рядом с обедом Сакуты.

— Спасибо, Май.

Ее губы слегка изогнулись. Нежная улыбка.

— ...

Миори смотрела на них, моргая.

— Что теперь, Миори?

— Вы и вправду встречаетесь.

Она снова моргнула, словно не веря своим глазам.

— Все согласны, что она слишком хороша для меня.

Мало кто настолько груб, чтобы сказать подобное, но взгляды людей говорили о многом. И в этом ничего необычного. Он не думал, что кто-то искренне считал их идеальной парой. Особенно среди друзей и знакомых из университета.

— Нет, я не это имела в виду. Вы... так естественно ведете себя друг с другом. Вы прекрасная пара, — сказала она смущенно, словно ей было неловко говорить такое. Некоторым людям

тяжело делать комплименты.

— Спасибо, Миори, — улыбнулась Май.

Миори откинулась на спинку, как будто ее ранили в сердце.

— Держись, — сказал Сакута.

— Я не могу! Я влюбилась!

— Как я уже сказал, Май моя, ты ее не получишь.

— Могу я иногда одалживать ее?

— Я никому не принадлежу, — отрезала Май.

Миори выпрямилась, она выглядела напряженной.

— Не переживай, Миори. Май не так легко разозлить.

— Да, от Сакуты и не такое услышишь.

Палочки Май снова устремились к его обеду, подцепив замороженный крокет с крабовым кремом. Каэдэ пристрастилась к этим штукам, и дома в морозилке всегда лежала целая куча.

— Эй, Май! Оставь мне хотя бы половину!

Но его мольбы не были услышаны, и Май съела всю порцию.

— Может, мне уйти?..

Миори водила глазами туда-сюда между ними, как будто чувствуя себя лишней.

— Наверное, тебе лучше уйти.

— Конечно нет, оставайся.

Сакута и Май говорили, перекрикивая друг друга.

— Я схожу за добавкой, — пробормотала Миори, выбрав золотую середину. Она схватила пустую чашку Май, не теряя ни секунды.

— Она немного похожа на тебя, — сказала Май, глядя ей вслед.

— Только не говори Мито. Ей не понравится.

— Но это не так. Я имею в виду, она симпатичная.

Миори вернулась с чаем.

— О чем вы говорите? — спросила она, ставя пластиковые стаканчики на стол.

— О том, что ты симпатичная.

— Май, это правда?

Миори явно не верила ему. Сакута не заслужил ее доверия.

— Да.

— Ну, тогда спасибо.

Май она поверила. Миори села обратно и сделала глоток чая, чтобы скрыть свой румянец.

В разговоре наступило небольшое затишье, и Сакута воспользовался случаем, чтобы доесть сваренный яичный рулет. Он положил палочки обратно в футляр, закрыл крышку контейнера для еды и завернул его в ткань.

Он сделал глоток чая, который принесла Май.

Его взгляд блуждал по кафетерию и остановился на столике двумя местами дальше. Как и их стол, он был четырехместным. Там сидели четыре девушки в одинаковых нарядах и с похожим макияжем. Судя по блюдам, все они заказали одно и то же.

— В школе было легче, — ни с того ни с сего сказала Миори.

— Мм?

Он растерянно взглянул в ее сторону, она смотрела на тот же столик.

— Все были в форме.

— О.

Миори явно проследила за его взглядом и догадалась, что это значит. Решив, что все нормально, он посмотрел еще раз. Оказалось, что за столом позади них сидела пара девушек, которые тоже оделись одинаково.

Он окинул взглядом кафетерий и увидел довольно много подобных столов. Будь это покер, здесь было бы любое количество флешей, фулл-хаусов, сетов, каре, двух пар и пар. Он бы не удосужился сосчитать их всех.

— Они что, типа, обсуждают и договариваются об этом?

— Словно кто-то будет делать что-то настолько раздражающее.

— Я так не думаю.

Даже Сакута не мог себе представить, чтобы кто-то переписывался с друзьями каждое утро ради выбора их общего образа на сегодня.

Но они, несомненно, во многом совпадали по чистой случайности. На самом деле это было нечто сверхъестественное.

— Я борюсь с этим каждое утро. Не хочу, чтобы кто-то подумал, что я унылая, но и не хочу, чтобы кто-то смеялся, потому что я слишком стараюсь.

Миори была одета в платье, а поверх нее свободная джинсовая рубашка. Само по себе платье чересчур нарядное, поэтому она добавила рубашку, чтобы сгладить впечатление.

Он огляделся и увидел других девушек, одетых так же, как она.

— Ты тоже так делаешь, Азусагава.

Он взглянул через плечо на двух парней в темно-синих брюках до щиколоток, футболках с длинными рукавами. Они оделись точь-в-точь как он. Даже их рюкзаки были черными.

Он понял ее мысль и без пояснений.

— Я посоветовался со своим бумажником, пошел в магазин и купил то, что было на манекене. Вот результат.

— Я тоже одета как манекен, — засмеялась Миори, поправляя свою одежду. — А мой вчерашний наряд — результат того, что я нашла в интернете по запросу «Осенние студенческие образы». Все ходят по одним магазинам и смотрят одни и те же сайты, поэтому в итоге одеты одинаково.

— Наверное.

— И если ты будешь как все, никто не посмеется над тобой. Нет причин одеваться по-другому. Еще в старшей школе все укорачивали юбки, ослабляли галстуки, надевали необычные носки, отчаянно пытаясь найти способ выделиться.

Миори поморщилась от воспоминаний.

Но так уж устроены люди. Как только они получают свободу выбора, им кажется, что их подвергают испытанию, после чего сдаются. Пока за них решают посторонние, они перекладывают вину на других. Но если это их выбор, то не будет никаких оправданий, никаких путей к отступлению.

— У тебя нет телефона, но ты пользуешься Интернетом.

— У меня дома есть компьютер.

Гордиться было нечем, но Миори уперла руки в бока и выпятила грудь. Очевидно, она не являлась кардинальной противницей Интернета как такового.

— Где ты покупаешь себе одежду, Май? — спросила Миори.

Май молча слушала.

— Я?

— Ты всегда выглядишь мило. Я бы хотела знать.

— Май всегда милая.

Сегодня на Май была блузка с воротничком и трикотажный жилет поверх нее. И длинная юбка. Ее волосы были заплетены в две свободные косы, которые ниспадали на плечи. А ее фальшивые очки создавали атмосферу литературного клуба.

Один неверный штрихи — и все это выглядело бы немодно, но Май справилась со зрелой элегантностью.

— Я часто покупаю одежду для модных съемок прямо у стилиста. Этот наряд — один из таких.

— Не могу скопировать! — Миори повесила голову. — Но даже если бы могла, я не ты, так что, скорее всего, ничего не получится.

Теперь она дулась.

— Ты удивишься.

— Да что ты знаешь, Азусагава? Ты пробовал?

— Да.

— Жуть...

— Моя сестра, я имею в виду. У нее много вещей от Май.

Каэдэ была удивительно высокой, поэтому она могла носить многое из того, что носила Май. Иногда это заставляло ее выглядеть так, будто ее наряжают для чего-то, но в большинстве случаев все было в порядке.

— Счастливица твоя сестра. Будь я твоей сестрой... Фу, я не хочу этого, но все равно... завидую.

— Поговорим о сплетнях с вечеринки.

— О чем мы вообще говорили? — спросила Миори, пропустив его слова мимо ушей.

— Ты вдруг стала ностальгировать по школьной форме.

— Потому что ты смотрел на другой стол, — сказала Май, взглянув на девушек, из-за которых все это началось.

— Ах да. Азусагава, что привлекло твое внимание?

— В смысле?

— В прямом.

— Ничего особенного.

Он уклончиво перевел взгляд в сторону, и Миори, похоже, купилась на это. Или, по крайней мере, она не пыталась копать дальше.

В этот момент прозвенел звонок, оповещая о том, что перемена почти закончилась. Студенты, бездельничавшие в кафетерии, стали расходиться.

— Мне нужно вернуть книгу в библиотеку, — сообщила Миори, вскакивая первой.

— Я уберу твою посуду, — предложил Сакута, протягивая ей поднос.

— О, спасибо.

— Увидимся в классе на следующей неделе, — попрощалась Май.

Миори помахала рукой и вышла из зала.

Он смотрел, как она уходит, затем отнес ее поднос.

Сакута и Май вышли вместе и подошли к главному корпусу.

— У тебя после обеда есть занятия, Сакута?

— Я с удовольствием пропущу их и пойду на свидание с тобой.

Он посмотрел вверх сквозь листву деревьев: небо было голубым.

Идеальная погода для свидания.

За несколько дней до этого все еще было жарко, но сейчас стало по-осеннему прохладно.

— Если ты останешься здесь до четвертого занятия, мы могли бы пойти домой вместе.

— Третье — у меня последнее, но мне нужно готовиться к репетиторству в школе, так что я могу подождать.

— О? Но у тебя же работа.

— Да, жаль. Я надеялся, что мы сможем насладиться приготовленным тобой ужином сегодня вечером.

— Если ты будешь так говорить, я не приду готовить.

— Оу.

— Если ты увидишь Футабу на работе, может, поговоришь с ней об этом?

— Мм?

— Дело ведь в Хирокаве?

Он полагал, что Май знает. Поэтому она и не спрашивала. Нодока, должно быть, что-то ей уже рассказала.

— Да, я поговорю с ней об этом. Она так сильно закатит глаза.

Часть 4

— Значит, ты все еще переживаешь муки подросткового возраста, — сказала Рио.

Он рассказал ей об Узуки, и это была ее первая реакция.

У каждого из них закончились занятия на сегодня.

Они сидели в семейном ресторане, который даже в десять вечера был заполнен на восемьдесят процентов.

Сегодня была смена Каэдэ, поэтому их заказ приняла она, но еду им принесла его старая кохай Томоэ Кога. Однако обе уже ушли, так как старшеклассникам разрешалось работать только до десяти. Они собирались домой в комнате для персонала.

— Я сохранил свою детскую невинность.

— А ты странно чувствителен для негодника.

— Давненько я не слышал этого слова.

Рио проигнорировала его.

— Все так, как ты думаешь, — сказала она.

— В смысле?

— Айдол, которая не умела чувствовать атмосферу, научилась этому.

— Подобное вообще возможно?

Безалаберность Узуки была просто неисправимой. От такого не избавиться за ночь.

— Ты так хочешь связать это с «Подростковым синдромом»?

— Я надеюсь, что дело не в нем.

Он имел в виду именно это.

Он прожил полтора года ни с кем не сталкиваясь, и с радостью оставил бы все как есть.

Но было также верно, что происходящее с Узуки имеет гораздо больше смысла, если это «Подростковый синдром». Вот насколько необычным было ее превращение.

— Даже если это «Подростковый синдром», она ведь не беспокоилась о своей безалаберности, верно?

— Верно.

Вероятно, когда-то это ее волновало. Не имея возможности общаться со сверстниками или заводить друзей, она оказалась в изоляции. Сама Узуки говорила, что провела так среднюю и старшую школы.

Но до встречи с Сакутой она перешла на дистанционное обучение и пережила это.

Она обрела счастье на собственных условиях.

Ее мама помогла ей найти в себе силы для этого.

Эта сторона Узуки была для Каэдэ ориентиром, когда сестра Сакуты боролась с тем, что непохожа на других. Благодаря этому Каэдэ набралась храбрости и стала ее фанаткой на всю жизнь.

— Так что я не вижу причин, из-за которых у нее мог появиться «Подростковый синдром».

— Именно.

Разговор с Рио привел его к такому же выводу: проблемы не было. И это казалось проблемой. Но если проблемы нет, то как она может возникнуть? Неужели это коан*?

[П/Р: Повествование, диалог, вопрос, не имеющий логики. Такое встречается в дзэн-буддизме.]

— Ты не выглядишь довольным.

— Так и есть. Если бы она просто научилась анализировать обстановку, то ладно. Разве тебя не пугает, что она начала одеваться так же, как окружающие?

Даже сейчас за соседним столиком сидела группа из трех студенток, все они выглядели одинаково: юбки длиной до колена, модные блузки, волосы, аккуратно спадающие на плечи, макияж, придающий щекам легкий румянец, словно они только что вышли из ванны. Они с удовольствием болтали, проводя вскрытие вечеринки, точнее, обсуждая всех разочаровавших их мужчин, которых они там встретили.

— Я думаю, новая симпатичная девушка, с которой ты подружился, попала в точку.

Голос Рио прозвучал немного резко. Она сделала глоток кофе. Ее губы стали чуть ярче — она начала краситься в университете. И старалась делать это незаметно.

— Она все еще просто потенциальный друг.

— Но ты не отрицаешь, что она симпатичная.

— Каким местом и в какую точку она попала?

Лучше перевести разговор в другое русло, пока она не стала его донимать.

— Имея одинаковые источники и даже не обсуждая это напрямую, люди придут к одному результату — естественное последствие базовых социальных навыков.

Рио делала вид, что это ее не касалось, отчего Сакута забеспокоился.

— Но разве это не похоже на квантовую запутанность?

Это явление, при котором состояния частиц взаимозависимы, но связи между ними нет. Рио рассказывала ему об этом.

— Если будешь подгонять результаты под нужное тебе объяснение, то вполне возможно.

Она оторвала взгляд от кофе и украдкой посмотрела на столик в дальнем конце зала.

— Допустим, вон та группа находится в квантовой запутанности.

Глаза Рио устремились на девушек, пришедших с вечеринки.

— Хорошо.

— Они встречаются с подругой, которая не в запутанном состоянии.

Это произошло очень вовремя: пришла четвертая девушка и присоединилась к подругам. На вечеринке им ничего не обломилось, и они позвали еще подруг. Однако новоприбывшая была одета в жакет в военном стиле, из-за чего она бросалась в глаза.

— Так я и понял.

— И если опоздавшая окажется в квантовой запутанности, то она синхронизируется с этой группой. Я понимаю, к чему ты клонишь, Азусагава.

Опоздавшая сняла жакет, как только села. Одежда под жакетом оказалось такой же, как и на остальных троих.

Как будто она синхронизировалась с ними, став единым целым с группой.

Просто результат того, что все оказались на одной волне.

Звучало так, словно в этом нет ничего особенного, но неужели чувство атмосферы, студенчество и учитывание времени и места действительно привели к похожим прическам, макияжу и одежде? Совпадение до такой степени без предварительного обсуждения казалось проявлением какой-то суперсилы.

— В нашем случае все может быть наоборот.

— В смысле?

— Если это «Подростковый синдром», то причина не в Хирокаве Узуки, а во всех остальных девушках университета. В тех, что умеют чувствовать атмосферу.

Рио сбросила бомбу.

Однако в этом был смысл. Особенно учитывая сидящую в конце зала группу девушек. Ее слова казались самым логичным выводом.

— Можно сказать, «Подростковый синдром» — это бессознательный разговор, во время которого формируются ценности — то, что считается нормальным, и то, что должны делать все. Иначе говоря, «Синдром» создает бессознательную сеть, свойства которой похожи на свойства квантовой запутанности, и синхронизация — это результат всего этого.

— Это касается всех студентов моего университета?

— Да. Всех до единого.

Это действительно была чертовски хорошая идея. Она поражала воображение. Все оказалось намного хуже, чем представлял себе Сакута. Однако такое происходило и в любом другом университете: везде существовали подобные студенческие группы, которые одинаково одевались, разделяли одни и те же ценности и вели себя похоже.

И в отличие от Узуки, у них были причины, для появления «Подросткового синдрома».

Миори говорила Сакуте об этом.

На протяжении многих лет школа формирует личности учеников, и у них есть классная комната — место, которому они принадлежат.

В университете все иначе: нет формы и классной комнаты. У студентов отнимают то, что определяло их, поэтому они, сами того не осознавая и сознательно не стремясь, искали способ стать студентами. Возможно, этот сгусток смутной неуверенности и есть то, что Рио имела в виду под «нормальным» и «все».

— Если такова природа «Подросткового синдрома», тогда я понимаю, почему он нацелился на нее.

— Потому что Зукки всегда Зукки?

Узуки всегда была верна себе: в роли айдола, на телевидении, даже в модных журналах. Для студентов, которым трудно определить себя, она подобна ослепительному свету, на который невозможно смотреть напрямую.

Поэтому они нацелились на нее.

Затащили ее.

— Теперь это по твоей части, Азусагава.

— Разве?

— Статистика анализирует подобное, разве нет?

— У первокурсников лишь общеобразовательные предметы и фундаментальная математика.

У Сакуты не было профильных предметов, как и чувства, что он занимается статистикой, наукой или статистической наукой.

— Однако мой пример, скорее всего, мало что имеет общего с твоим случаем.

— Думаешь?

Рио помогла ему по-другому взглянуть на общую картину.

— Ты знаешь, что я имею в виду, — мрачно сказала она. — Если последствия и будут... то не скоро.

— Да, я так же подумал.

Она пришла к тому же выводу, что и Сакута.

— Если научиться чувствовать атмосферу... можно многое понять, — предупредила она.

— Хорошо это или плохо.

— Ты беспокоишься, что она изменится?

— Ну, это же нормально для фанатов.

Каэдэ была не единственной, кого спас образ жизни Узуки. То, что она помогла его сестре, повлияло и на Сакуту. Нодока была права: Узуки вызывала улыбку у каждого. Он не хотел видеть, как облака закрывают ее свет.

Сейчас они были друзьями, и это было естественно.

Но как бы Сакута ни хотел, все изменилось.

Теперь Узуки чувствовала атмосферу.

А это значило, что она видит то, чего не видела раньше.

Например, что окружающие думают о ней.

— Смотри, чтоб тебя не поймали на мошенничестве, — сказала Рио. Было непонятно, шутила она или нет. Ее взгляд остановился на настенных часах: они уже пробыли здесь целый час. Было двадцать два двадцать.

— Каэдэ что-то задерживается.

Она попросила подождать ее, чтобы пойти домой вместе, но все еще не вышла из раздевалки.

— Я узнаю, что там у нее. А ты иди домой, Футаба.

— А? Ладно.

Рио положила деньги на стол, сказала: «Увидимся на работе» — и вышла из ресторана.

Как только она ушла, Сакута позвал менеджера и оплатил счет.

Затем он пошел искать Каэдэ.

Проходя мимо кухонной стойки, он услышал знакомые голоса в комнате для персонала.

Он просунул голову внутрь и увидел то, что ожидал: Каэдэ и Томоз в рабочей форме. Обе смотрели в телефон его сестры.

— Ты все еще не переоделась?

— О, сэмпай! — сказала Томоэ, бросив на него взгляд.

— Сакута, смотри! Узуки тут потрясающая.

— Мм?

Он не знал, что это значило. Узуки, конечно, была у него на уме, но Каэдэ ничего об этом не знала.

— Давай смотри быстрее!

— Я пытаюсь заставить тебя поторопиться, — проворчал он. Они не могли пойти домой, пока она не переоденется.

— Это просто потрясающе!

Она ткнула телефон ему в лицо, вынуждая посмотреть.

Это была реклама беспроводных наушников. Такуми уже показывал ее ему.

Девушка пела в стиле а капелла песню Токо Киришимы. Реклама вызвала большой ажиотаж.

Из-за того, что показали лишь губы певицы, все гадали, кто же она. Такуми рассказал ему об этом.

То, что лицо скрывали, конечно вызывало любопытство.

Сакуте тоже было интересно.

Однако реклама закончилась, так и не показав лица певицы.

Это видео было на целых тридцать секунд длиннее.

Начался последний припев.

Голос певицы стал высоким и превзошел все ожидания.

Камера переходила от ее груди к шее, к губам. Когда песня закончилась, ее лицо, наконец,

показали.

Пот на лбу.

Покрасневшие от страсти щеки.

Триумфальная улыбка, которую Сакута уже видел раньше.

Ту, которую он видел в тот день в кампусе.

Это определенно была Узуки.

— Они только сегодня выпустили полную версию! И она уже набрала миллион просмотров!

Каэдэ пришла в восторг. Это, конечно, впечатляло, но Сакута не был уверен насколько.

Его скорее зацепила режиссура, красота и мощь ее голоса, чем количество просмотров. От экрана исходила сила, которую нельзя было объяснить логикой.

Сакута явно был не единственным, кто почувствовал это: комментарии наводнили видео.

«Это та самая безбашенная девчонка из игровых шоу, да?»

«Я даже не знал, что она поет».

«Она такая сексуальная».

«Черт возьми».

«Вот что такое настоящее пение!»

«Наступила эра Зукки!»

Кто-то знал Узуки, а кто-то нет.

Однако благодаря рекламе все захотели узнать о ней больше.

И в этих бурлящих эмоциях был настоящий жар. Жар, из-за которого всегда что-то происходит.

Часть 5

Ночь наступила и прошла, и настал четверг, шестое октября.

Сакута шел в университет. Он пересел на линию «Кэйкю» на станции «Йокогама» и в красном поезде столкнулся с Узуки. Не с живой, а с ее фотографией на рекламном стенде.

Она была на обложке журнала сёнэн-манги.

Она сидела, подтянув ногу к груди, объемный свитер спадал с плеча, черные волосы струились по обнаженной белой коже. Все это, как ни странно, соблазняло. Однако ее лицо выражало удивление, когда она откусывала апельсин, благодаря чему можно было увидеть присущую ее возрасту привлекательность. Такое лицо обычно девушки показывают только своим парням.

Сакута подумал, что фотография получилась удачной, и решил по пути домой купить этот журнал для Каэдэ.

Он продолжал рассматривать Узуки, размышляя обо всем этом, когда позади раздался голос:

— Сакута, ты смотришь слишком пристально!

Он повернул голову и увидел девушку в маске и шапке.

Настоящая Узуки.

— Все же настоящая лучше, — сказал он, поворачиваясь к ней лицом.

Но у этой плечи были закрыты и не было видно кожи. Острая нехватка привлекательности.

— Хотя если подумать, мне больше нравится другая.

Он снова посмотрел на Узуки с обложки — на оточенную танцами, со здоровым блеском кожи, настолько сексуальную, что Сакута мог любоваться ею весь день.

— Т-тебе нельзя! — пискнула она, потянув его за руку, чтобы развернуть к себе.

Это было на нее непохоже. Как-то он купил журнал, в котором Узуки была в одном купальнике, и она просто пришла в восторг и спросила его мнение.

Но теперь, когда она смущалась, Сакуте казалось, что он делает что-то не так, отчего ему

только сильнее захотелось подразнить Узуки, однако он боялся, что Нодока пронюхает об этом, поэтому он отвернулся.

Им было о чем поговорить.

— Ты в ударе, — заметил он.

— Ага, мне везет.

— Я видел ту рекламу.

— Она даже до тебя дошла?!

Ее голос стал очень тихим.

— Каэдэ навела суету из-за этого ролика вчера вечером. Кажется, это хит.

— Похоже на то. Мой менеджер позвонил сегодня утром и сказал, чтобы я смотрела в оба по дороге в школу.

Обычно Узуки не скрывала своего лица, но сейчас она была полностью инкогнито.

Маскировка, очевидно, сработала: никто вокруг, казалось, не узнавал ее. Но многие не сводили глаз с плаката над ними. Реакция на недавнюю рекламу была сильной.

Две старшеклассницы болтали у двери.

— Это она, да? Та, вчерашняя?

— О, с рекламы!

— Да, да. Как ее зовут?

— Подожди, я посмотрю.

Они обе достали свои телефоны.

Прежняя Узуки, скорее всего, подошла бы к ним и представилась. Не подозревая о том, как они будут потрясены. Возможно, она настояла бы и на восторженном рукопожатии. Но новая

Узуки не сдвинулась с места.

Она стояла прямо, с напряженным взглядом.

— Вот, Хирокава Узуки.

— Серьезно?! Тут написано, что она учится в университете города Йокогама.

— А вдруг она сядет на этот поезд!

— Ух ты, мы действительно можем встретить ее!

Узуки, казалось, не знала, как к этому относиться.

Но тут по громкой связи прозвучало объявление, прервав их. Следующей станцией была «Камиока».

— Хочешь, сойдем на ней? Давай пересядем в другой вагон. — предложил он.

Узуки сначала не поняла, но через мгновение уловила его мысль. Ее глаза расширились, затем она кивнула.

Сакута и Узуки выскочили из вагона на «Камиоке», но в следующем старшекласники тоже обсуждали рекламу с ней. На этот раз трое парней.

— У нее такой красивый голос!

— И она симпатичная.

— Ты хочешь купить этот журнал?

— Ты первый.

Было слишком рано для такой энергии. Энергии возбуждения.

В итоге они снова сошли на следующей станции — на «Канадзаве-Бунке» — и пересели в третий вагон.

— Мы словно на тайном свидании, — ухмыльнулась Узуки. Но Сакута встречался с Май,

поэтому он немного нервничал из-за нынешней ситуации.

Независимо от причин, если его сейчас заметят с Узуки, люди подумают, что он с ней встречается, и начнут распространять отвратительные, нелепые слухи. Ему было не до обвинений в двуличии.

Когда они наконец добрались до станции «Канадзава-Хаккей», он даже не заметил, как выдохнул с облегчением.

Они прошли через ворота и спустились по лестнице к западному выходу.

Почти все, кто шел этим путем, или учились в этом университете, или преподавали в нем.

— Вот это успех, — сказал он.

Накануне вечером он не ожидал, что все так сильно изменится.

— Да, — согласилась Узуки с его недоумением, но она не выглядела такой уж обескураженной. Почему? Это был просто очередной успех в ее карьере. У нее, наконец-то, появился шанс стать известнее, так что по большей части это событие было приятным. Ездить в метро станет немного сложнее, но она переживет.

— Это поездка в один конец в «Косиэн».

— Там же бейсбол, Сакута.

— В «Японский национальный стадион»?

— А там футбол.

— В «Ханазоно»?

— Регби.

— А, тогда, должно быть, в «Рёгоку».

— Уже ближе, но там сумо*.

[П/Р: «Будокан» — арена, построенная для проведения турниров по боевым искусствам, однако сейчас там проводятся концерты. В диалоге упоминаются названия различных стадионов, в

которых проводятся спортивные соревнования.]

Узуки поняла его шутку и идеально подыграла. Прежняя она просто спросила бы: «Почему „Косизэн“?» — тем самым поставив его в неловкое положение. Сакуте не раз приходилось объяснять ей свои шутки.

— Я хочу попасть в «Будокан», — добавила она. Он прекрасно знал об этом.

— Он становится ближе?

— Хороший вопрос, — ответила она, выпрямляясь. В маске было не увидеть выражения лица, но тон голоса и взгляд, устремленный вперед, ясно давали понять, что она не собирается останавливаться.

Сакута мало что знал о закулисах индустрии айдолов, но ее отношение к выступлению в «Будокане» показывало, насколько это важно. По крайней мере сейчас Узуки не обещала, что попадет туда, даже в шутку. Она тщательно подбирала слова.

— Почему именно «Будокан»?

— Пока у нас есть цель, мне неважно, где она находится.

— А?

— Я ведь тебе рассказывала?

— Что?

— Как я перестала заводить друзей в средней школе.

— Да.

— Поэтому все в «Сладкой пуле» много значат для меня. Они больше, чем друзья.

Только Узуки знала, насколько они важны. Сакута молчал: он не имел права говорить, что понимает ее.

— Может, Айка с Мацури и окончили школу, но остальные... Нодока, Яэ, Ранко и Хотару... Я все еще хочу поехать туда с ними. Вместе.

Последнее слово Узуки произнесла шепотом. Именно это было важнее всего.

И успех этого рекламного ролика станет их попутным ветром, поможет им достичь своей цели. Этот успех был не просто очередным шагом вперед, а тремя или четырьмя.

Однако агентство Узуки подумывало о ее сольной карьере, началом которого мог бы стать этот успех. В конце концов, вся эта реклама была ее.

Если ты собираешься что-то предпринять, лучше всего ковать железо, пока горячо.

Несмотря на ее вид, по простой прогулке было ясно, что она привлекала внимание всего мира. Окружающие студенты бросали на них взгляды и делали вид, что не замечают.

Узуки прекрасно знала об этом и старалась не обращать внимания.

— Половина из них из-за тебя, — сказала она.

— Что?

— Взгляды.

Взгляды, полные зависти и удивления. Все недоумевали, как он познакомился не только с Май Сакурадзимой, но и с Узуки Хирокавой.

— Но я рада, что мы встретились.

— Я ценю твою откровенность, но боюсь, что мое сердце принадлежит Май.

— Надежды рухнули! Я не имела в виду, что в принципе встретились, а что столкнулись сегодня в поезде.

Очевидно, он точно знал, что она имела в виду. И если Сакута знал это, то и она знала, что он знал. И, прекрасно понимая это, она подыграла и старательно все объяснила.

— Любишь же ты дразнить, Сакута.

— Ты только сейчас это поняла?

— Да. Я совершенно не знала.

Они прошли через главные ворота.

Идя по дорожке среди деревьев, они привлекали еще больше взглядов.

Это был перерыв между первым и вторым занятиями. Образовался поток студентов. Кто-то только пришел, а кто-то направлялся в другую аудиторию.

В ином месте вряд ли бы кто-то заметил Узуки. Но не здесь. Все знали, что Узуки Хирокава учится в этом университете.

Если знать это, найти ее, несмотря на маскировку, было легкой задачей. Маска и шапка здесь мало что давали.

— Наверное, я завтра надену еще и очки.

— Май сказала, что это поможет, если ты изменишь прическу.

— О! Хорошая идея.

Узуки по-прежнему смотрела вперед, как будто все это внимание ее не беспокоило. Но она точно знала, что происходило. Она чувствовала это в воздухе.

Затем ее взгляд метнулся в сторону от аллеи из гингко.

Там было полно стендов с объявлениями об отмене занятий, информацией об учебных планах и о прочем. Какая-то девушка стояла перед доской, обклеенной плакатами о наборе в клуб, и обращалась к проходящим мимо студентам:

— Хотите стать студентом-волонтером?

Сакута знал ее.

Это была Икуми Акаги.

— Мы только начали свою деятельность, и нам очень нужны новые члены.

Она протягивала листовки, но никто их не брал.

Пара девушек прошла прямо перед ней, оживленно болтая. Парень в беспроводных наушниках вскинул руку, отказываясь от предложения.

— Мы поддерживаем образование детей, которые не хотят посещать школу, и нам все еще нужна помощь.

Голос Икуми был спокойным, ясным и неустрашимым.

Но ни один студент не остановился, чтобы поинтересоваться. Несколько человек озадаченно нахмурились, но, проходя мимо нее, обменялись взглядами, улыбнулись и прошептали: «Волонтеры, да?»

Их глаза говорили: «Ничего себе» или «Только не я», оценивая принципы друг друга.

После чего они удовлетворялись и больше не смотрели на Икуми. Разговор сразу же возвращался к кафе с горячими официантками или чему-то еще.

Никто больше не замедлялся и не проявлял интереса.

Икуми продолжала говорить, пока кто-то наконец не остановился.

Девушка, идущая рядом с ним.

Не потому, что Икуми заговорила с ней.

Они все еще были в десяти шагах друг от друга.

Но Узуки остановилась и взглянула на Икуми.

И на толпу, проходящую мимо той.

Сакута мог сказать, что она смотрела на легкие улыбки на лицах людей.

Губы Узуки задрожали. Уголки ее глаз опустились. Появился намек на грусть.

— Сакута...

— ...

Он ждал, пока она заговорит снова.

Он был уверен, что знал, что произойдет.

Он думал, что это может произойти.

Он надеялся избежать этого разговора.

Но Узуки не собиралась давать ему и шанса увильнуть.

Как только она поняла, то должна была спросить.

Она сняла маску и посмотрела прямо на него.

— Надо мной тоже смеялись? — спросила она.

Выражение ее лица не изменилось.

И у Сакуты не нашлось слов для нее.

Только крошечный кивок. Едва ли вообще заметный.

<http://tl.rulate.ru/book/20190/3278953>